

В 20—30-е годы жизнь в Художественном театре обрела новые очертания. Ритмы современной эпохи восхитили и радовали театр, его атмосферу определяли Станиславский и Немирович-Данченко, обостренно чувствующие ответственность за его судьбу. «Золотые правила» привносили ими поколение Тарасового и Диванова, Андреевского и Ершова, Хмелева и Яшинна, Степановой и Прудкина, проживавших по МХАТе «пятнадцать» жизней. «Второе поколение» (для нас «великие старики») застало время, когда Станиславский и Немирович-Данченко были в театре от десяти до семи, считали нужным входить во все мелочи, следили за нравственной дисциплиной внутри.

В протоколах спектаклей МХАТа хранятся записи рукой Станиславского, сделанные 28 июня 1928 года после сыгранного во второй раз на гастролях в Ленинграде спектакля «Алая Ваня»:

«Пьесы Чехова — на паузах, как и почти все наши пьесы. Требуют полной тишины. Полюбили энергии приходится отдавать на водворение необходимого затушеванного порядка. Ни просьбы, ни уговоры не действуют. Сегодня после того, как все уехали из последнего акта «Алая Ваня», пока я был на сцене, был страшный шум, хохот, разговоры. Сцена, требующая тишины, была испорчена. Когда я кончил роль и ушел за кулисы, т. е. во время самого важного финального монолога, раздались очень громкий стук железной двери [это в имение-то Алая Вани] и громкий разговор. Я бросился к пожарной кассинте. Оттуда выход. Какой-то очень молодой человек стоит, сопровождаемый женой. Пожарный охраняет. Я преаудировал их, что так делать нельзя. Она настаивала, не слушая то, что я объяснял, что я главный режиссер и отвечаю за сцену. Пришлось решительно настоять. Я прошу принять самые решительные меры, чтобы водворить порядок на сцене во время акта и внушить пожарным, как они должны себя вести. Если этого не удастся — прошу шефскую» у Сергея Александровича — обратиться куда следует, для того, чтобы была возможность играть».

Святое отношение к сцене воспитывалось каждый день, на репетициях, во время спектаклей, после них.

Среди бесчисленных, будораживших театр проблем, Станиславского особенно волновала проблема жизни спектакля. Все от обращения большого внимания. Аук творчества, умение трудиться, подчинения себя театру был законом для основателей Художественного театра.

Руководители театра могли быть резкими. Сохранилась коротенькая записка Немировича-Данченко перед выпуском спектакля «Три толстяка». Репетировал спектакль больше года, премьеру сыграл 24 мая 1930 г., и Немирович-Данченко был явно недоволен, что режиссеры Московия, Горчаков и Телешева торопятся показать его зрителю. Записка Немировича-Данченко:

«Шестерой» называлась группа молодых — Хмелев, Баталов, Марков, Завалинский, Прудкин, Яшинна — занимавшаяся в те годы ежедневными делами управления театром. Сергей Александрович Петрушинков был работником МХАТа.

«Положение, в каком очутился театр с 8 мая, безобразное, хаотичное, базар, не готовое, пахнет высушенными! Почему! Разве была плохая работа? Ведь нет. Историческая работа. Спектакль сдвигенный — испорчена хорошая пьеса. Кто в этом виноват? Я? Чем?»

Но спектакль был выставлен, правда, прошел он всего 91 раз, но имел огромный зрительский успех. После записки Немировича-Данченко все сразу подошло к с трепетом ждали

Вот — читальный зал Музея МХАТа. Здесь с удивительной бережливостью хранятся архивы «великих» и невеликих «стариков». Художественного театра, протоколы и стенограммы репетиций, альбомы рецензий, морщины с личными документами. Можно отнестись к старым бумагам только как к документам, но можно увидеть больше: «воздух» времени, особый уклад жизни театра.

ЗА КУЛИСАМИ И НА СЦЕНЕ

Творческая дисциплина — сила и успех любого театра

его разрешения сыграть на публике.

К дисциплине Немирович-Данченко был особенно строг. В протоколах репетиций спектакля «Три сестры» хранится записка (27 апреля 1939 года): «Тарасова пришла на репетицию позднее на 7 минут. Причина — болезнь сына, возле которого она задержалась». Сбоку резолюция зав. труппой Казульского: «Прошу Тарасову принести справку о болезни сына». А ведь Тарасова в 1939 году была уже признанная всей страной «порная актриса» театра, народная артистка СССР, прославленная и политически роли Анны Карениной. Порядок, установленный Немировичем-Данченко, был для всех один.

Конечно, по МХАТе тех лет существовало и соперничество, и поизбежное подпольство, но, как исполнителю Марков «все было до пропительности трогательным в самой сути отношений к театру». Было по МХАТе доведенных лет какое-то особое достоинство, сознание важности и необходимости своего участия в деле. Актёры знали, что Немирович-Данченко может в любой момент войти в ложу и посидеть ском спектакля. Чувство ответственности было развито очень сильно. Отказались от роли, от спектакля, попросили замены, даже подумали об этом, казалось колуномством. В субботние и воскресные дни в репертуар ставились только значительные спектакли, играл первый состав.

17 февраля 1936 года Всесоюзный комитет по делам искусств (он был создан в январе 1936 г., первый председатель — Керженцов) издал постановление: вносить по примеру МХАТа аналогичный порядок во всех театрах страны.

Дисциплина при Немировиче-Данченко была строгая. И дело было, конечно, не в административных мерах — тонкое, бережное отношение воспитывалось «стариками», именно оно создавало покоряющую атмосферу в театре.

«Старики» организовали свои выступления на сцене, боясь, что их могут упрекнуть в «хаотичности». В архиве Луцкого сохранилось его письмо от 12

января 1931 года устроителю концерта в Ленинграде, посвященного 100-летию Болдинского периода творчества Пушкина:

«...Тут на днях выступал с Москвиним в «Степанчикове» и заметил, что Иван Михайлович переставил две-три фразы у Фомы. Когда он кончил, у него весь лоб был в крупной поту. Леонид Мирович (Леонидов) перед чтением «Идиота» был «с как лед холодными руками». Спросите

«Порт от ума». А впереди был «Три сестры» — самое законченное и гармоничное создание советского театрального искусства.

Музей МХАТа, его сотрудники — преданные делу люди — и тут, и хранят эти удивительные документы, эпосы. Ушли спектакли тех лет, ушли художники, создавшие их, но оставили бумаги, в них — личности, биографии, судьбы. В них — «музыка времени», «тайны творчества». Станиславский, как никто, понимал их.

Передо мной одна из записных книжек Станиславского (их готовит к изданию, пожалуй, самый большой знаток наследия Станиславского и Немировича-Данченко доктор искусствоведения Инна Соловьева). Никогда прежде не публиковавшаяся запись о психологии артистической личности:

«В большинстве случаев серьезные артисты капризны на репетициях и плохо принимают замечания, к ним относятся, не потому, что эти замечания оскорбляют их самолюбие, а потому, что они сердятся сами на себя, так как их нервный и путает, когда они не скрывают того, что от них требуют. Они боятся сами разочароваться в своем таланте и способностях. Страшно выходить на публику без веры в свой талант. Артисту необходима известная доля самоуверенности, в потому он больше всего боится потерять эту веру в себя. Конечно, еще чаще слышим самоуверенные артисты с большим самолюбием не принимают замечаний, потому, что их самолюбие не выносит их».

Капризы первых знаменитых в заслуживают внимания, тогда как обиды вторых не возбуждают ни сочувствия, ни снисхождения. Артист, не способный выслушивать критику, должен остановиться в своем артистическом развитии и пойти назад».

Станиславский, как никто других, понимал актерскую психологию, творческие осмысления мук творчества артиста, обаяющего, хочешь не хочешь, вечером всегда «быть в форме».

Сегодняшний МХАТ оживает, деятельность наших дней. «Бог театрального времени» не оставляет. «Во исходе, что принес Художественный театр в мировую театральную культуру, он принес через актера. Репутация Художественного театра была завоевана актерами-художниками, актерскими личностями». — напоминает Олег Ефремов.

Да, все было именно так. Зигзаги из каких складывалась сложная кривая жизни МХАТа, было предостаточно, неизменно было одно — исследование современной психологии и непреложные законы нравственной культуры, без которых не рождается искусство. Коренное постоянство этических законов жизни первого поколения мхатовцев пленяет и поныне. Задача современников — сохранить их, а сохранить их можно только при условии, что они будут передавать последующим поколениям. Обрывать живую преемственность всегда опасно — что-то становится невозможным вичным».

Может быть, потому показались важным повествовать хотя бы крохотную толику нескупованных материалов — свято хранимых в Музее МХАТа.

Виталий ВУЛЬФ.

Перетту Александрову (моя жена), сколько стояла мне нервно и сколько вышло было брону и других усвоенных средств перед выступлением чтеца Чехова назову я того же «Села Степанчиковой»! А у меня еще работа с отрывком из «Преступления и наказания». Я вот его только несколько дней как показала с Тарасовой тому же Москвину. Вот вы бы приложили руку к моему сердцу, яла ошупала бы мое тело — владение да оно было, когда я клялась отыскать! «За козырьком», которое я уже здесь в сезоне прочел не менее 6 раз, да я на сцене сыграл 150 раз — каждый раз стою сля, кровь в пота!»

Все эти архивные материалы ни разу не публиковались в печати (только записи Станиславского после «Алая Вани» частично вошли в легенду «Жизнь в творчестве Станиславского», со товарищи Винниградский), свидетельствуют сами по себе и оцелялись, и об отношении к делу, к записи «артист Художественного театра».

С годами у «стариков» первого поколения не было стремления ни к славе, ни к знакам ее внешнего выражения. Найдено письмо в редакцию газеты «Известия», написанное Немировичем-Данченко:

«В литературном календаре 1930 сказано, что в этом году (23 декабря) будет 80 лет со дня моего рождения. Это даст повод дружески расположенным ко мне людям, а кажется, я организовал как-то чествование мое 80-летие. А между тем в Литературном календаре ошибка: я родился не в 1850, а в 1858 (моя метрика сохранилась). Так что 80 лет мне минуло еще год назад. И так как случайно это приближенно совпало с 40-летним юбилеем театра, то я был почтен и правительством, а общественностью в совершенно достаточной мере. Из всего этого легко заключать, что ни о каком новом чествовании дамы моего рождения не может быть речи».

С искренним приветом. Народный артист СССР Немирович-Данченко.

Только-только были поставлены им «Анна Каренина» и